

Н. В. ГОГОЛЬ.

МЕРТВЫЯ

ДУШИ

ПОЭМА

и Басни

СПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ Е. Ф. МАКСА

Portrait of the Hon. J. F. Johnson

J. F. Johnson

Printed by J. F. Johnson

San Francisco, 1850

Н. В. Гоголь.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

или

МЕРТВЫЯ ДУШИ

ПОЭМА.

Текст по послѣдней редакціи академика Н. С. Тихомирова.

съ портретами Н. В. Гоголя, гравированными на стали, 10 гектограммъ и 355 иллюстраціи художниковъ: В. А. Андреева, А. Ф. Азарьина, Н. Н. Белика, В. И. Быстрикина, М. М. Дальковича, Ф. С. Калачикова, І. К. Мазанова, Н. В. Перегона, Е. П. Самойловъ-Судавской, С. С. Соложа и Н. И. Харькова. Буквы и шпалеры работы Н. С. Самохина.

Художественный отдѣлъ выполненъ подъ наблюденіемъ.

П. П. Глѣдича и М. М. Дальковича.

С.-Петербургъ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

Вальевичъ

столахъ. Что именно находилось въ кучѣ—рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы пельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не позволяло его пребываніе старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все страшное ея убранство, отворилась боковая дверь, и вошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а

этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидать съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидать, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ, послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

- Что-жь баринъ? У себя, что ли?
- Здѣсь хозяйнѣ, — сказалъ ключникъ.
- Гдѣ же? — повторилъ Чичиковъ.

— Что, батюшка, слѣпы-то, что ли? — сказать ключникъ. — Эхва!
А вѣтъ хозяинъ-то я!

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ-быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаня ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились,

что походили на юфть, ка-
кая идетъ на сапоги; назадъ,
вмѣсто двухъ, болталось
четыре полы, изъ которыхъ
охлопьями лѣзла хлопчатая
бумага. На шеѣ у
него тоже было повязано
что-то такое, котораго
нельзя было разобрать:
чулокъ ли, подвязка ли,
или набрюшникъ, толь-
ко никакъ не галетукъ.

Словомъ, если бы Чпчиковъ
встрѣтилъ его, такъ принаря-
женнаго, гдѣ-нибудь у церков-
ныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ
бы ему мѣдный грошъ, ибо къ
чести героя нашего нужно ска-
зать, что сердце у него было
соэрадательно и онъ не могъ
никакъ удержаться, чтобы не
подать бѣдному человѣку мѣд-

Валькевичъ

— Вѣдь ты и съ приказникомъ
сцѣпишься, мелочь ты анбарна!—
реветъ Григорій.

— Да и приказникъ воръ та-
кой же, какъ и ты. Думаешь, баринъ.

не знаетъ васъ? вѣдь онъ адѣсь, вѣдь онъ все слышитъ.

— Гдѣ баринъ?

— Да вотъ онъ сидитъ у окна; онъ все видитъ.

И точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію содома, кричаль-кричма дворовый ребятишка, получившій отъ матери затрещину, визжалъ бор-

зой кобель, приеѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кнпята, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ. Словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ. И только тогда, когда это дѣлалось до такой степени не-сносно, что мѣшало даже ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда уходилъ онъ къ себѣ въ кабинетъ затѣмъ, чтобы заняться серьезно сочиненіемъ, должеетвовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ— съ гражданской, политической, реллигіозной, философической,

